

Взгляд Чэн Юэ упал на стопку распечаток, небрежно брошенных на прикроватную тумбочку. Он поднял их и увидел, что это сценарий первой половины «Меча Решимости».

В частях, связанных с Цзин Ляньшэном, были сделаны густые пометки, почерк был детским, как у школьника.

Но в целом довольно старательно.

Чэн Юэ внимательно просмотрел часть и обнаружил, что размышления Бай Сяо очень тонкие и глубокие, что добавило ему ещё немного одобрения.

В материалах, которые позже передал ему Фан Вэньцин, были все видеозаписи с момента дебюта Бай Сяо. Он также выкроил время, чтобы посмотреть некоторые работы Бай Сяо, и вынужден был признать его огромный прогресс за этот с лишним год.

Конечно, это происходило не из-за какого-то личного интереса к самому Бай Сяо. Он просто хотел провести предварительную оценку качества второй половины генов своего ребёнка.

Результат оценки таков: в плане актёрской игры он всё-таки подающий надежды талант.

По крайней мере, интеллект находится на уровне обычного человека.

Чэн Юэ перелистал ещё несколько страниц сценария, и его впечатление о Бай Сяо тайком снова повысилось на несколько пунктов.

Вскоре послышался аромат рыбы. Было уже почти восемь, ранее он съел лишь несколько сушёных слив, и Чэн Юэ давно проголодался. Взяв сценарий, он направился в гостиную, перелистывая его по пути.

После тушения от рыбы уже не осталось и следа запаха тины, но кухня была слишком маленькой, поэтому он не зашёл внутрь, а остановился у двери, наблюдая за суетящейся фигурой Бай Сяо.

Бай Сяо, заметив его, улыбнулся:

— Скоро будет готово.

Равномерно нарезанная соломкой картошка была брошена в сковороду. Вода, испаряясь под воздействием высокой температуры масла, шипела и потрескивала. Вытяжка была включена и создавала шум, но Чэн Юэ почему-то ощущал странное чувство уюта.

Как в романах и сериалах, которые он видел раньше: уютная сцена, где муж и жена в своём маленьком гнёздышке, жена хлопочет на кухне, а муж с нежной улыбкой наблюдает за ней со стороны.

В его собственной жизни никогда не было ничего столь прекрасного и уютного. На мгновение ему захотелось не двигаться и не говорить, просто погрузиться в эту атмосферу подольше...

Однако в голову внезапно ворвалась мысль: Погоди, но, кажется, беременный-то я?

...

Лицо Чэн Юэ потемнело, он развернулся и вышел.

Бай Сяо: ?

*

Бай Сяо любил острое, дома всегда были перцы чили, но на этот раз он положил лишь половинку зелёного перчика — не слишком остро, но достаточно, чтобы разжечь аппетит.

Рисовая каша была поставлена первой, в неё добавили ямс, овсяные хлопья и несколько красных фиников.

У карася много костей, это, конечно, хлопотно, но зато мясо нежное и без запаха тины, и если есть не спеша, это тоже удовольствие.

В гостиной у Бай Сяо стоял совсем небольшой обеденный стол. Они сидели друг напротив друга и спокойно ели карася.

Они почти не разговаривали, но почему-то не чувствовали неловкости, будто этот момент создан именно для совместного наслаждения едой.

В тёплом жёлтом свете Чэн Юэ смотрел на дымящиеся перед ним блюда и чувствовал, как он весь успокаивается и расслабляется.

Через некоторое время Бай Сяо наелся рыбы и потянулся палочками к кисло-острой картофельной соломке.

— Знаю, что ты любишь острое, но в прошлый раз я хорошо изучил вопрос — говорят, можно есть острое, но не слишком много, иначе это слишком сильный раздражитель, и для ребёнка это плохо.

— Рыбу можешь есть побольше, это белок. Если понравится, я и тётя Мэй можем часто готовить её тебе.

— Кстати, сушёные сливы этой марки действительно хороши. Я сам очень люблю кислое, раньше пробовал некоторые сушёные сливы, но они были не очень кислые, а эти в самый раз. Когда будешь уходить, заведи их с собой. Когда закончатся, куплю новые и передам.

Бай Сяо болтал без умолку. В обычное время Чэн Юэ давно бы уже потерял терпение, но сейчас, медленно поедая карася, он почему-то не чувствовал раздражения.

Наверное, потому что, поев вкусной еды, тело выделило гормоны радости.

Чэн Юэ сделал глоток каши и почувствовал, как по всему телу разливается тепло.

Внезапно зазвонил телефон. Бай Сяо прервался на полуслове, и оба взглянули на лежащий на столе телефон Чэн Юэ.

На экране чётко отображался входящий звонок: Мама.

Рука Чэн Юэ, держащая палочки, сжалась крепче.

— Ты где? — мать Чэн Юэ сразу перешла к делу, её тон был очень холодным и жёстким.

— На улице, — нахмутив брови, уклончиво ответил Чэн Юэ и спросил:

— Что случилось?

— Что случилось... — мать Чэн Юэ глубоко вздохнула, кажется, она была в крайней ярости:

— Я каждый раз говорю тебе, а ты всё тянешь и тянешь! Я так и знала, что рано или поздно случится какая-нибудь пакость!

Брови Чэн Юэ сдвинулись ещё сильнее. Он невольно взглянул на Бай Сяо, встал из-за стола.

Комната была слишком маленькой. Чэн Юэ сделал несколько шагов по гостиной, но всё равно боялся, что Бай Сяо может услышать, поэтому повернул и зашёл в его спальню.

Бай Сяо, наблюдая за его суровым выражением лица и мгновенно испортившимся настроением, почувствовал беспокойство.

Чэн Юэ закрыл дверь спальни и спросил:

— Что-то произошло?

— Лян Синин и её сын уже знают о твоём состоянии, ты в курсе? Определённо твой отец сказал этой стерве... Теперь у них есть козырь против тебя, рано или поздно они используют это, чтобы атаковать!

Уже один раз было, подумал Чэн Юэ. Он и знал, что если мать узнает об этом, она начнёт истерить, поэтому и не говорил ей.

— Ты думал, почему твой отец сказал ей? Потому что он в тебе разочарован! Чэн Юэ, я сейчас не в группе, но и то чувствую, что в последние несколько месяцев у тебя пропал боевой дух! Ты действительно выложился в деле Чжоюя? Ты столько лет в группе зря провёл? Позволил этому щенку Лян Каю с тобой на равных соперничать? Ты не видел, какой самодовольный вид был у Лян Синин! Осмелилась прийти ко мне и задаваться! И это только начало! Ты что, и дальше собираешься позволять Лян Каю понемногу пожирать твою власть?

Она была в ярости, говорила очень быстро. Чэн Юэ совершенно не мог вставить слово и не мог в гневе перебить её — всё-таки он был в доме Бай Сяо.

— Дело Чжоюя пока оставим в стороне, поговорим о тебе самом — каждый раз, когда я заговаривала с тобой об операции, ты отделивался туманными фразами. А теперь? Я совершенно не могу понять, почему ты всё время отказываешься делать эту операцию! Ты даже не дал мне чёткого объяснения! Что ж, если ты не хочешь принимать решение, я приму его за тебя — я уже договорилась с врачом. Завтра ты пойдёшь со мной на приём, чтобы назначить время операции. На этот раз я не приму никаких отговорок и проволочек!

Слушая её слова, настроение Чэн Юэ постепенно падало в бездну, а выражение лица становилось всё печальнее.

Хотя он уже твердо решил вырваться из оков семьи, слова матери всё равно причиняли ему острую, пронзающую боль. Он чувствовал, что теряет контроль над эмоциями. Слушая телефонный разговор, он бесцельно водил взглядом по комнате, и вдруг его внимание привлекла маленькая вещица.

Это был камешек-голыш, стоящий на полке на стене напротив кровати Бай Сяо. На нём краской были нарисованы плодородная почва и маленький росток, похожий на бобовый.

Чэн Юэ машинально взял его и рассмотрел. Перевернув, он увидел на обратной стороне три написанных слова: Маленький Росток.

Детские глупости...

Чэн Юэ презирал в душе Бай Сяо, но в сердце его разливалась кислая, распирающая эмоция. Раздражённый голос в трубке временно отступил на задний план, и его настроение чудесным образом успокоилось.

Внезапно ему почти захотелось заплакать.

Он вспомнил слова Бай Сяо о том, что тот будет рядом с ним в этот период, и в сердце его возникла несбыточная надежда.

Истерика матери продолжалась. Ему ужасно хотелось, назло, сказать ей, что он беременен, но он не мог.

Глядя маленький камешек, он знал, что должен защитить это маленькое существо, позволить ему здорово расти, не подвергая ни малейшему риску. Он больше не мог идти на уступки и проявлять слабость, как раньше.

Некоторые вещи ему было жалко обнажать, он боялся, что это ранит мать. Но если не сказать, эта же вещь обернётся и ранит его самого.

Поэтому он усмехнулся, перебивая мать, и сказал:

— Операцию я делать не буду. И впредь не говори со мной об этом.

Возможно, его холодный и твёрдый тон ошеломил её, потому что на том конце провода на несколько секунд воцарилась тишина... а затем последовала ещё более сильная реакция:

— Ты тянул больше десяти лет, а теперь говоришь, что не будешь делать?! Может, ещё и место наследника Корпорации Чэн откажешься?! Ты думаешь, всё будет так, как ты захочешь...

<http://bllate.org/book/15597/1390821>